

Притча о трёх друзьях

У одного человека были три друга. Первых двух он очень любил и почитал, а к третьему относился с пренебрежением.

Но вот случилось, что к этому человеку от царя явились посланники и передали приказ срочно явиться к владыке и дать отчёт о долге в десять тысяч талантов. Не имея такой суммы для уплаты долга, человек обратился к друзьям.

Первый на его просьбу ответил так:

— У меня и без тебя много друзей, я как раз иду сейчас с ними веселиться. Вот тебе, пожалуй, два рубища, а ничего большего я тебе дать не могу.

Второй друг сказал:

— Я сам нахожусь в горе, но, пожалуй, могу проводить тебя до царя, а больше от меня ничего не жди.

И только третий друг, на которого человек даже не надеялся, сказал:

— За то малое, что ты сделал для меня, я отплатю тебе сполна. Я сам пойду с тобой к царю и буду умолять, чтобы он не предавал тебя в руки врагов твоих.

Первый друг — пагубная страсть к наживе и богатству. Ничего не даёт оно человеку — только сорочку и саван на погребение.

Второй друг — родные и близкие человека. Только и могут они, что проводить его до могилы. А третий друг — это наши добрые дела. Именно они станут ходатаями нашими перед Господом, помогут пройти воздушные мытарства после смерти и будут умолять за нас Бога.

Притча о первой ступеньке к Богу

Один человек пришёл к старцу и сказал:

— Я хотел бы полюбить Бога — научи меня!

Учитель ответил:

— Скажи мне сначала, любил ли ты кого-нибудь раньше?

Человек сказал:

— Я не интересуюсь мирскими делами — любовью и всем прочим. Я хочу прийти к Богу.

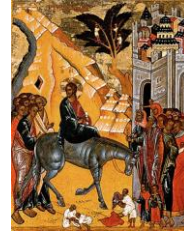
Старец снова сказал:

— Вспомни еще раз: любил ли ты хоть одну женщину, хоть одного ребёнка — хоть кого-нибудь?

Человек ответил:

— Я ведь уже сказал тебе: я человек религиозный, а не обычный мирянин. Меня интересует только путь к Богу.

— Пока это невозможно: сначала ты должен кого-нибудь полюбить, — сказал старец. — Это будет твоя первая ступенька. Ты спрашиваешь про вершину, а сам не ступил на первую ступеньку. Иди и хоть кого-нибудь люби.

Зёрнышко

Приходской листок храма Свт.Николая пос.Никола-Прозорово Апрель '22

ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ

Мы стоим в храме с цветущими вербами и горящими свечами, и все человечество стоит во Святом Граде, приветствуя торжественно входящего в Иерусалим Царя Славы, постилая перед Ним свои одежды. Для иудейских властей, которые ненавидят Его, Он — вне закона, и ничто не может поколебать их решимости убить Его. Все это знают, неужели этого не знает Господь? Он, Который всею жизнью Своей, начиная с рождения, с бегства в Египет, учит нас рассудительности и осторожности, идет сегодня в самую середину опасности, чтобы быть увиденным всеми, ибо пришел час Его. И это есть восхождение всепревозмогающей любви, и это есть призыв любви ко всем, кто видит Его, прежде конца. И для всех нас сегодня пришел этот час.

«Царство Мое не от мира сего, — говорит Господь, — если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня» (Ин. 18, 36). Не идея, не символ, не славное прошлое, не земное великое будущее — а Тот, Кто живой, Кто живет в твоём сердце. И от избытка сердца говорят уста: «Осанна в вышних! Господи, спаси же! Мы погибаем! Благословен Грядый во имя Господне!» Даже тех, кто ждет от Него только земной победы, не оставляет Господь. Он Кровь Свою любовью прольет за этот народ, прежде чем отделить Себя от этого народа.

Среди всех этих рук, поднятых в приветствии, какая рука поднимется, чтобы ударить Его? Среди рук, которые бросают цветы, какая из них бросит в Него камень? Среди этих криков радости, какие из них станут криками, требующими Его смерти?

«Бог Господь и явился нам: составите праздник» (Пс. 117, 27). И дети, и грудные младенцы восклицают: «Осанна в вышних!» Может быть, обычно невозможно для грудных так восклицать, но разве это обычный день? «Если не будете, как дети, — говорит Господь, — не войдете в Царство Небесное». Только смиренные и простые сердца могут видеть истину, которая сокрыта от мудрых и разумных. <>

Когда Господь обещен всеми, и когда Он — соблазн для всех, дай мне, Боже, быть верным! Жизнь — быть со Христом, куда бы Он ни пошел, ибо где Христос — там Царство. Пусть зло достигает последнего предела, пусть крушение жизни, того, что Богом сотворено, идет на глазах, и сатана похваляется, что человечество становится грехами своими на его сторону, — мы не обманем ожиданий Господа. И наша радость будет царственной, потому что Царь Израилев входит в Небесный Иерусалим.

Царь Израилев входит в Иерусалим Небесный, и мы будем народом святых. Мы будем народом детей — и значит, пророков; народом нищих — и значит, царей; народом милосердия — и значит, вечного веселия; народом, еще убиваемым и уже прославленным. Народом молитвы, света, хвалы — Его народом.

Протоиерей Александр Шаргунов

О смирении

Говорить о смирении всегда трудно, потому что, в общем, по-настоящему не знает смирения тот, кто не смирился. Но кое-что все же можно сказать, чтобы найти какое-то направление.

Когда мы думаем о смирении, мы, большей частью, думаем о поведении человека, который, когда его хвалят или говорят о нем что-то хорошее, старается доказать, что это не так; или о поведении человека, который, когда ему приходит мысль, что он сказал что-нибудь хорошее или сделал правильное, старается отвести эту мысль из страха возгордиться. Оба подхода мне кажутся неправильными не только по отношению к самому себе, но и по отношению к Богу: считать, что раз я это сделал или сказал, это не может быть хорошо, или что признание в себе доброго может повести к гордыне, - ошибочно. Надо просто перестроиться: если Бог дал мне сказать что-нибудь истинное, доброе, правильное или сделать что-нибудь достойное и Его, и меня как человека, я должен научиться благодарить Его за это. Не приписывать себе в заслугу - да; но не отрицать самой вещи и переключиться с тщеславия или гордыни на изумленное, умиленное благодарение.

Второе: смирению противопоставляются, большей частью, гордыня или тщеславие. Между той и другим - очень большое различие.

По-настоящему гордый человек - это человек, который не признает над собой ни Божьего, ни человеческого суда, который сам себе закон. Очень сильно отличается от этого тщеславие. Тщеславие заключается во всецелой зависимости от мнения или суда людского, но не от суда Божия. Тщеславный человек ищет похвалы, ищет одобрения, причем самое унижительное то, что он ищет похвалы и одобрения от таких людей, мнения которых он даже не уважает, - лишь бы они его хвалили.

Смирение - нечто совершенно другое. Это не просто отсутствие тщеславия: отсутствие тщеславия является как бы производным, вторичным плодом. Это также и не просто отсутствие гордыни, то есть интегральной, абсолютной замкнутости - хотя эта замкнутость и разбивается смирением.

Смирение, если говорить о русском слове, начинается с момента, когда мы вступаем в состояние внутреннего мира: мира с Богом, мира с совестью и мира с теми людьми, чей суд отображает Божий суд; это примиренность.

Одновременно, это примиренность со всеми обстоятельствами жизни, состояние человека, который все, что ни случается, принимает от руки Божией. Это не значит, что случающееся является положительной волей Божией; но что бы ни случилось, человек видит свое место в этой ситуации как посланника Божия.

Не все события жизни можно определить как просто волю Божию на то или на другое; обычно налицо ситуация гораздо более сложная, когда человек является или сотрудником Божиим, или проводником злой воли темной силы. Но когда открывается какая-либо ситуация, как бы она ни была темна, как бы она ни была жутка, Бог нам может сказать: в эту тьму ты должен внести свет, в эту область ненависти ты должен внести любовь, в эту дисгармонию ты должен внести гармонию; твое место там, где воля сатанинская действует наиболее решительно, наиболее разрушительно...

И вот, когда мы ищем смирения, мы можем ставить перед собой вопрос: как мы относимся к тому, что Господь нас посылает в ту или иную обстановку? С внутренним миром или с протестом, с разборчивостью? "Я не этого хочу, я хочу другого - почему Ты меня сюда послал?"

Эта наша обычная реакция, и это один из показателей того, что наша реакция не смиренна.

И надо просто склониться перед волей Божией; но не пассивно, а склониться, как кладут земной поклон, получить благословение и вступить в подвиг творения дела смирения.

И еще одно: я не думаю, что смирение заключается в том, чтобы давать кому бы то ни было себя затоптать в грязь; какой бы то ни было начальник - офицер в армии, или священник, или начальник бригады - может быть глубоко смиренным, а по чувству ответственности поступать твердо, строго и решительно.

Самый же глубокий род смирения, смирение святых, происходит от того, что они видели своим духовным взором красоту Божию и святость Божию, дивность Божию; и не то чтобы сопоставляли, сравнивали себя, но бывали так поражены этой неопишуемой красотой, что оставалось только одно: пасть ниц в священном ужасе, в любви, в изумлении; и тогда уже о себе и не вспомнишь просто потому, что красота такая, что неинтересно уже думать о себе: кто же станет смотреть на себя, когда можно смотреть на что-то, превосходящее всякую красоту?

Антоний митрополит Сурожский